

Moscovici S. The phenomenon of social representations // Social representations. – Cambridge University Press, Cambridge, 1984. – P.3-69.

(3) Эпоха представлений

[[12] Все виды человеческого взаимодействия, каким бы образом они ни проявлялись между двумя индивидами или двумя группами, заключают в себе такие представления. В самом деле, это то, что их характеризует. “Дело первой важности, касающиеся видов человеческого взаимодействия, – писал Эш, – то, что они являются событиями, что они психологически представлены в каждом акторе”. Если опустить этот факт, останется только обмен, т.е. действия и реакции, которые неспецифичны и, более того, сведены к сделке. Везде и всюду когда мы сталкиваемся с людьми или вещами и узнаем их ближе, подразумеваются такие представления. Информация, которую мы получаем и которой мы пытаемся придать смысл, находится под их контролем и не имеет другого значения для нас, кроме как в том, что они дают ее.

Чтобы несколько расширить рамки исследования, мы могли бы утверждать, что важность имеет природа изменений, посредством которых социальные представления становятся способными влиять на поведение индивида, включенного в коллектив. Таким образом они создаются как внутренний момент сознания, поскольку именно в этой форме коллективный процесс интериоризируется, как определяющий фактор, в индивидуальное мышление. Такие представления являются нам почти как материальные объекты, поскольку являются продуктом наших действий и коммуникаций. В самом деле, они имеют характер профессиональной деятельности. Я отношусь к тем педагогам, идеологам, популяризаторам науки или священникам, т.е. представителям науки, культуры и религии, чья задача – создавать и передавать их, часто, увы, не зная того или не желая. В процессе эволюции общества, назначением этих профессий было умножать (представления), и их работа становится более систематичной и более определенной. В частности, по этой причине и [[13] принимая во внимание все, что это влечет за собой, эта эпоха может прослыть эпохой представлений во всех смыслах данного термина.

Сказанное не подрывает автономию представлений, относящихся к сознанию как индивида, так и группы. Индивиды и группы создают представления как в виде коммуникации, так и совместной деятельности. Очевидно, представления не создаются индивидом в изоляции. К тому же, будучи однажды созданными, они живут своей жизнью, циркулируют, объединяются, притягиваются и отталкиваются друг от друга и дают жизнь новым представлениям, тогда как старые заканчивают свое существование. Как следствие, **чтобы понять и объяснить представление, необходимо начать с того / тех, от которого оно произошло.** Недостаточно начинать с такого-то аспекта, поведенческой модели или социальной структуры.

Далекое от того, чтобы отражать поведение или социальную структуру, представление часто их обуславливает или даже реагирует на них. Это происходит не потому, что оно имеет коллективное происхождение или относится к коллективному объекту, но поскольку, разделяемое всеми и усиленное традицией, оно конституирует своего рода (*sui generis*) социальную реальность. Чем более забывается его происхождение и игнорируется условная природа, тем более закостеневшим оно становится. Идеальное постепенно материализуется. Оно прекращает быть эфемерным, изменчивым и безжизненным и становится вместо этого прочным, постоянным, почти бессмертным. В создании представлений мы подобны скульптору, который преклоняется перед статуей, которую он создал и боготворит ее.

По моему мнению, главная задача социальной психологии – изучить такие представления, их особенности, происхождение и влияние. Ни в одну из дисциплин не входит данная задача, и ни одна из них не приспособлена к этому лучше. В самом деле, именно социальной психологии Дюркгейм вверил следующую задачу:

Что касается законов коллективного мышления, они совершенно неизвестны. Социальная психология, задача которой было определить их, является ни чем иным, как словом, описывающим все виды разнообразных, неясных генерализаций, не имея в фокусе определенных объектов. Путем сопоставления мифов, легенд, народных традиций и языков требуется выявить, как социальные представления воздействуют друг на друга, исключают друг друга, объединяются и разделяются (Дюркгейм 1963).

Несмотря на множество дальнейших исследований, частных идей и экспериментов, мы сейчас не более продвинулись в этом вопросе, чем столетие тому назад. Наше знание подобно испорченному майонезу. Но одна вещь очевидна: основные формы нашего физического и социального окружения зафиксированы в представлениях и мы сами приведены им в соответствие. Я бы пошел дальше и сказал, что [14] чем менее мы думаем и знаем о них, тем более сильное влияние они оказывают. Это яркий случай того, что коллективное сознание трансформирует все, что затрагивает. На этом основывается истина примитивных верований, которые миллионы лет доминировали в нашем сознании.

Что такое мыслящее общество?

“Мы мыслим посредством рта” Тристан Цара.

(1) Бихевиоризм и изучение социальных представлений

Мы живем в бихевиористическом мире, практикуем бихевиористическую науку и пользуемся бихевиористическими метафорами. Я говорю об этом без стыда и гордости. Поскольку я не собираюсь начинать с критики того, что по праву должно быть названо одним из взглядов на современного человека, поскольку защита этой теории или отказ от нее, как я полагаю, является предметом культуры, но не науки. Никто ни защищает, ни опровергает культуру. Говорят, исследование социальных представлений должно выходить за пределы такого взгляда, и тому есть несколько причин. Оно

рассматривает человека в той мере, в которой он пытается узнать и понять окружающие его вещи и пытается решить тривиальные загадки его появления на свет, опыта телесного существования, унижений, неба над ним, состояний ума своих соседей и сил, которые доминируют над ним: загадки, которые занимают его и поглощают его внимание с колыбели и о которых он никогда не прекращает говорить. Для него мысли и слова реальны – они не просто явления, сопутствующие поведению. Он сходится в мнениях с Фреге, который писал:

Влияние одного человека на другого осуществляется по большей части через мысль. Кто-либо передает мысль. Как это происходит? Некто осуществляет изменения во внешнем мире, которые, будучи воспринимаемыми другим человеком, предназначены для того, чтобы заставить его понять мысль и принять это как должное. Могут ли случаться значительные события мировой истории без передачи мысли? И все же, мы склонны рассматривать мысли как что-то нереальное, поскольку кажется, что они не влияют на события, в то время как мышление, высказывание суждений, утверждение и понимание – факты человеческой жизни. Насколько более реален молот, чем мысль? Чем отличается процесс передачи молота от передачи мысли? (Фреге, 1977)

Это то, что книги и статьи вбивают в наши головы: молоты более реальны, чем мысли; уделяйте внимание больше молотам, чем мыслям. Все в последнем случае – это поведение, [15] передача стимулов в наш организм, как гвоздей. Когда мы изучаем представления, мы изучаем человека, в той мере, в которой он задает вопросы и ищет ответы, а не обрабатывает информацию или ведет себя некоторым образом. Точнее, поскольку его цель – не вести себя, а понимать.

Что такое “мыслящее” общество? В этом и состоит вопрос и это то, что нам бы хотелось наблюдать и понять, изучая (а) обстоятельства, в которых группы людей общаются между собой, принимают решения и стремятся раскрыть или спрятать что-либо, и (б) их достижения и их верования, т.е. их идеологии, науки (умения) и социальные представления. Это не может быть иначе; полная мистерия, все же понимание – самая распространенная человеческая способность. Одно время верили, что эта способность определяется, прежде всего, контактом с внешним миром. Но мы все более убеждаемся в том, что она исходит из социальной коммуникации. Недавние исследования маленьких детей показали, что происхождение и развитие разума и мышления зависит от социального взаимодействия; как ребенок приходит в мир, имея отношения с другими, с его матерью, отцом и всеми, кто заботится о нем, Мир объектов устанавливает только a backdrop для людей и их социального взаимодействия.

Задаваясь вопросом, кто такое мыслящее общество, мы этим самым отбрасываем понимание, которое, я верю, превалирует в гуманитарных науках, то, что общество не мыслит, и даже если оно мыслит, это не является его существенным свойством. Отказ от того, что общество “мыслит”, может подразумевать две различные формы: (а) объявляя, что наши мысли – маленькие черные ящики, помещенные внутрь большого ящика, который только получает информацию, слова и мысли, которые определены извне,

чтобы преобразовать их в жесты, суждения, мнения и т.д. В действительности мы отлично знаем, что наши мозги – не черные ящики, но в лучшем случае – черные дыры, имеющие собственную жизнь и деятельность, даже когда это неочевидно и когда индивиды не обмениваются с внешним миром ни энергией, ни информацией. Сумасшествие, эта черная дыра в рациональности, неоспоримо доказывает, каким является порядок вещей. (б) с помощью убеждения в том, что группы и индивиды всегда и всецело находятся под прессингом доминирующей идеологии, которая создается и насаждается социальным классом, государством, церковью или школой, и что все, о чем они думают и говорят, отражает эту идеологию. Иными словами, утверждается, что они, как правило, не думают и не создают что-либо оригинальное, свое собственное: они воспроизводят и, наоборот, воспроизводятся. Несмотря на свою прогрессивную природу, эта концепция по существу соответствует идеям [[16] Лебона, который утверждал, что массы ничего не думают и не создают – что это делают только индивиды, организованная элита. Здесь мы раскроем, хотим мы того или нет, метафору черного ящика, исключая то, что она помещена с неоригинальными идеями, а не с объектами. Мы не можем сказать, что даже если идеологии и их влияние может широко дискутироваться, они не исследовались широко. Это во многом признают Маркс и Вуд: “Все же по сравнению с другими областями (исследований), изучение идеологии было до известной степени заброшено социологами, кто чувствовал себя более комфортабельно, исследуя социальную структуру и поведение, нежели верования и символы” (Маркс и Вуд, 1975).

Итак, мы утверждаем, что индивиды и группы далеки от того, чтобы быть пассивными потребителями информации – они думают о себе, производят и неустанно транслируют свои собственные специфические представления в вопросы и (их решения), которые они ставят перед собой. На улицах, в кафе, офисах, больницах, лабораториях и т.д. люди анализируют, комментируют, “стряпают” спонтанные, неофициальные философии, которые имеют решающее влияние на их социальные отношения, альтернативы, способы воспитания детей, планы на будущее и т.д. События, науки и идеологии просто дают им пищу для размышления.

(2) Социальные представления

Очевидно, что понятие социальных представлений берет начало у Дюркгейма. Но наше понимание его отличается – или, по меньшей мере, социальная психология должна рассматривать его под другим углом, чем социология. Социология рассматривает или, по крайней мере, рассматривала социальные представления как объяснительный прием, не поддающийся дальнейшему анализу. Их теоретическая функция походила на функцию атома в традиционной механике или гена в традиционной генетике, т.е. было известно, что атомы и гены существуют, но никто не утруждался вопросом, что они делают и чему они подобны. Точно так же было известно, что социальные представления существуют в обществах, но никого не беспокоила их структура и внутренняя динамика. С другой стороны,

социальная психология должна быть озабочена исключительно структурой и динамикой представлений. Для нас ее задача сводится к трудности проникновения во внутренний мир для обнаружения внутренних механизмов и жизнеспособности социальных представлений во всех возможных аспектах; т.е. к “расчлененным представлениям”, подобно тому как в атомах и генах была обнаружена внутренняя структура. Первый шаг в данном направлении был предпринят Пиаже, когда он изучал представления ребенка в мире; данное исследование по сей день [17] остается примером для подражания. Итак, что я предлагаю делать дальше, это рассматривать как феномен то, что раньше понималось как концепт.

Более того, с точки зрения Дюркгейма коллективные представления описывали целый ряд форм, которые включали науку, религию, пространственные и временные формы и т.д. В самом деле, сюда включался любой вид мысли, чувства или верования, который встречался в обществе. Это являло собой серьезную проблему: пытаюсь включить многое, данное понимание охватывало малое: за двумя зайцами погонишься... Интуиция, так же как опыт, предполагает, что невозможно охватить такой широкий круг знаний и верований. Они, во-первых, слишком разнородны и, более того, не могут быть определены с помощью нескольких общих характеристик. Вследствие этого мы обязаны добавить две немаловажных оговорки: (а) *Социальные представления должны рассматриваться как специфический способ понимания и передачи того, что уже известно.* По существу, они занимают любопытную позицию, где-то между понятиями, которые имеют целью абстрагирование от реальности и внесение в нее элемента упорядоченности, и объектами восприятия, которые воспроизводят мир выразительными средствами. Они всегда имеют две грани, которые так же взаимосвязаны, как две стороны листа бумаги: изобразительную и символическую стороны. Мы знаем, что представление = образ / мышление; другими словами, что оно связывает образ с мыслью и мысль с образом. Таким образом, в нашем обществе мысль о чем-либо “невротическом” ассоциируется с психоанализом, Фрейдом, Эдиповым комплексом и в то же время мы понимаем под “невротичным” эгоцентричного, патологичного индивида, чей родительский конфликт еще не разрешен. Так, с одной стороны, слово порождает ассоциацию с наукой, даже с именем “героя”-классика и понятие, а с другой, оно актуализирует определенный тип, характеризующийся определенными чертами, а также легко воображаемую биографию. В этом случае механизмы сознания даны в движении и которые вырезают эту фигуру в нашем универсуме и придают ей значение, интерпретацию, очевидно отличающуюся от тех, функция которых – отделить точное восприятие человека или вещи, и представить себе некоторую систему концептов, которая это объясняет. Язык сам по себе, когда посредством него передаются представления, находится на полпути между тем, что называется языком наблюдения и языком логики; первый, выражая чистые факты – если таковые существуют и второй – абстрактные

символы. Возможно, это одно из самых примечательных явлений нашего времени – объединение языка и представлений. Позвольте мне пояснить это.

До начала нашего века обычный язык был средством как коммуникации, так и знания; общих мыслей и абстрактных исследований, поскольку он был един для повседневной речи и [18] науки. В настоящее время невербальный язык – математика и логика – который присущ точным наукам, имеет замещающие знаки для слов и формулы для утверждений. Мир нашей практической деятельности и реальности разделен надвое, и законы, которые управляют нашим повседневным миром, очевидно, не соотносятся с миром науки. Наш сегодняшний интерес к лингвистическим явлениям отчасти объясняется тем, что наш язык пришел в упадок, подобно тому, как мы беспокоимся о растениях и животных, находящихся под угрозой уничтожения. Язык, будучи исключенным из материальной сферы жизни, вновь возникает в реальности исторической и условной и если он потерял отношение к теории, удерживает свою связь с представлениями, которые являются тем, что он потерял. Итак, если изучение языка все более становится уделом социальной психологии, это происходит не потому, что последняя претендует на то, чтобы имитировать случаи из других дисциплин, добавить социальное измерение к ее абстракциям, относящимся к индивиду, или по другим филантропическим мотивам. Это просто связано с переменой, о которой мы упомянули, и которая так крепко связана с нашим распространенным, повседневным методом понимания и обмена способами видения объектов.

(б) Дюркгейм – в соответствии с аристотелевской и кантианской традицией – имеет, скорее, статичное понимание этих представлений – несколько родственное пониманию их стоиками. Вследствие этого в его теории представления подобны сгущению тумана, иначе говоря, они придают устойчивость словам и мыслям – подобно стоячему воздуху в атмосфере общества, о котором сказано, что его можно вырезать ножом. Поскольку это утверждение не является полностью ложным, современного наблюдателя больше всего поражает их подвижный характер, или, говоря кратко, пластичность. Мы видим их в большей мере как динамичные структуры, действующие на совокупность отношений и поведенческих моделей, которые появляются и исчезают вместе с представлениями. Подобно тому, как исчезновение из наших словарей слова “невротичный” могло бы отогнать некоторые чувства, подобный тип отношений с конкретным человеком, способ суждения о нем и, впоследствии, о себе.

Я целенаправленно подчеркиваю эти различия. Социальные представления, с которыми я имею дело, отличны от представлений примитивных обществ; также они не являются пережитками доисторических времен в глубоких пластах нашей культуры. Они свойственны современному обществу, нашим человеческим, научным, гуманистическим пластам, которым не всегда хватает достаточно времени, чтобы позволить собственным напластованиям становиться неизменными традициями. И их важность продолжает возрастать в прямой пропорции к разнородности и

флуктуациям унифицированных систем – официальной науке, религии, идеологии – и к изменениям, которым они должны подвергаться, чтобы проникать в повседневную жизнь [[19] и становиться частью общей для всех реальности. Массмедиа ускоряют эту тенденцию, плодят эти измерения и увеличивают потребность в связи между нашими чисто абстрактными науками и верованиями в целом, с одной стороны, и конкретными проявлениями активности нас как индивидов – членов общества. Другими словами, существует постоянная потребность в реконструкции “общего смысла” или формы понимания, которая создает субстрат образов и мыслей, без которых не может быть действующих коллективов. Подобным образом наши коллективы сегодня не могут функционировать, если не сформированы социальные представления, которые основываются на массиве теорий и идеологий, которые они преобразуют в совместную реальность, относящуюся к взаимодействию людей, которое, таким образом, вводит отдельную категорию явления. И отличительная особенность представлений состоит как раз в том, что они “помещают мышление” в коллективный опыт и взаимодействие в поведение, которое может сравниваться, скорее, с искусством, чем с механическим реагированием. Автор Библии уже знал об этом, когда он утверждал, что слово стало плотью; и марксизм подтверждал это, когда заявлял, что идеи, однажды выпущенные в массы, являются материальными силами и ведут себя подобным образом.

Мы почти ничего не знаем об этой алхимии, которая трансформирует металл наших мыслей в золото реальности. Как преобразовать концепты в объекты, или в людей, является загадкой, которая занимает нас веками и которая является истинной целью нашей науки как отличие от других наук, которых, по существу, интересуется обратный процесс. Мне хорошо известно, что почти непреодолимая дистанция разделяет эту проблему от ее решения и лишь немного сделано для того, чтобы навести мост. Но я не прекращу повторять, что если социальная психология не будет пытаться навести мост через эту пропасть, она не справится со своими задачами и не только не будет развиваться, но и прекратит существование.

Суммируя сказанное: в классическом смысле, коллективные представления – объяснительный механизм, и в отношении ко всем идеям и верованиям (наука, миф, религия), для нас они представляют собой явления, которые необходимо описать и объяснить. Они представляют собой специфичные явления, которые связаны со специфическими способами понимания и коммуникации – способами, посредством которых создается реальность и здравый смысл. Далее следует обратить внимание на различие, в силу которого я использую термин “социальный” вместо “коллективный”.

(3) Сакральные и профанные науки; согласованные и материализованные универсумы

Сейчас нас заботит место, которое представления занимают в обществе. ^

[[66]

Выводы

Я не могу завершить повествование, не упомянув о главных следствиях теории социальных представлений. Прежде всего, исследование этих представлений не может ограничиваться простым переключением с эмоционального на интеллектуальный уровень и они не могут рассматриваться как единственно до- и противоповеденческие. Если бы так было, не было бы смысла подробно останавливаться на них. Нет, как требуется, мы изучаем символический аспект наших отношений и consensual universes, которые мы населяем. Для всего “познания”, “мотивации” и “поведения”, которое только существует и имеет последствия только потому, что означают нечто, а это в свою очередь подразумевает, по определению, как минимум двух людей, говорящих на одном языке, имеющих общие ценности и общие воспоминания. Это то, что отделяет социальное от индивидуального, культурное от природного и исторически развивающееся от статичного. Говоря о том, что представления социальны, мы имеем в виду, прежде всего, то, что они символичны и имеют элементы как восприятия, так и познания. И поэтому мы рассматриваем их содержание как нечто важное и не различаем их от психологических механизмов как таковых.

Другими словами, мы отмечаем, на примере различных случаев, что социальная психология стремится выделить простой механизм, вынуть его из контекста и придать ему ценность – как однажды для сходной цели были выделены инстинкты. Некоторые из них являются псевдомеханизмами, такие, как “стабильность” и “согласованность”, которые появляются для того, чтобы объяснить, что они в самом деле означают. Поскольку мысль по своей природе стремится заменить порядок беспорядком, простоту – разнообразием и т.д., утверждать, что мысль стремится к согласованности значит немногим более, чем сказать, что мысль стремится к мысли. Другие механизмы, такие, как “диссонанс”, “приписывание”, “реактивное сопротивление” и т.д. видятся универсальными и применяются ко всем возможным социальным сферам, категориям и содержимому. Они предназначены для того, чтобы обработать конкретную информацию и породить новую информацию, не важно какую. Подчеркивая важность исследований на основе (вышеуказанных) положений, Симон заключал: “Когда процессы, лежащие в основе этих социальных явлений, приведены в соответствие с главами этой книги, в особенности, со второй и третьей частью, они оказываются теми же самыми информационными процессами, с которыми мы сталкиваемся в рамках несоциального познания” (Кэрл, Паине, 1976).

Это смущающее соответствие, поскольку социальное имеет существование и значение, которое должно давать конкретные эффекты, а также поскольку исследование информационных процессов как изолированных механизмов – это ошибка, которая [67] создает иллюзию возможного легко достигаемого контакта с реальностью.

Социальные представления, подобно научным теориям, религиям и мифологиям, – это представления о чем-либо или о ком-либо. Они имеют специфическое содержание – специфичность, более того, подразумевает, что

оно отличное в разных сферах общества. К тому же, эти процессы значимы, поскольку они раскрывают происхождение этого содержания и его разновидности. В конце концов, то, как мы думаем, не отличается от того, что мы думаем. Итак, мы не можем провести явного различия между закономерностями в представлениях и процессах, которые их создают. В самом деле, если мы идем по следам психоанализа и антропологии, нам было бы легче понять, что общего имеют представления и механизмы.

Второе следствие – и то, которое можно было предвидеть – может быть выражено в нескольких словах: изучение социальных представлений требует, чтобы мы вернулись к методу наблюдения. Я не намерен критиковать экспериментальные методы как таковые. Их ценность неоспорима, когда изучаются простые явления, которые могут быть взяты вне контекста. Но это не относится к социальным представлениям, которые хранятся в нашем языке и которые созданы в сложной человеческой среде. Мне известно, что многие мои коллеги презирают наблюдения, которые они рассматривают как умышленное отступление от присущей науке тщательности исследований, символом многословия, лени и неопределенности. Я полагаю, что они чрезмерно пессимистичны. Социальная психология сейчас не является тем, чем она была полстолетия назад. С тех пор мы стали больше уважать требования теории, тщательного анализа явлений, но мы стали уважать и обратное, т.е. ограниченность теорий, которые объясняют только то, что может быть проверено на опыте, и эксперимент как нечто, к чему реальность должна приспособливаться. И от наблюдения мы требуем, чтобы оно сохранило некоторые свойства эксперимента, освободив нас от ограниченности. Оно имело успех в этнологии, антропологии и детской психологии и мы не видим причин, по которым оно не может быть столь же результативным в социальной психологии.

Но ясно, что ставка сделана на большее, чем сравнивать заслуги того или иного метода. И это должно быть показано недвусмысленно; не говоря о его технических заслугах, эксперимент стал означать исключительную связь социальной психологии с общей психологией и перестал быть связан с социологией и социальными науками. Несомненно, это не было намерением его основателей, но было направлением, в котором он эволюционировал. Более того, по программам его исследования и преподавания готовились [[68] эксперты-психологи, которые были невеждами в социологии. Поворот к наблюдению повлек бы за собой возвращение к социальным наукам. В последнее десятилетие они сделали значительные шаги и продемонстрированы, что открытия могут быть сделаны без навязчивых ритуалов, так что может быть худшая судьба, чем занять место среди них.

Третье следствие, которое естественным образом вытекает из второго, затрагивает описание. В течение некоторого периода мы были озабочены только объяснительными механизмами смены установок, влияния, приписывания, не уделяя достаточного внимания сбору данных. Деятельность такого рода виделась неприоритетной, доказательством ленности ума и даже совершенно бесполезной. Казалось, чтобы выдвинуть

гипотезу и проверить ее в лаборатории, нужна лишь команда, от которой мы вновь оживимся. Но, вопреки очевидности, команда не действовала на науку. Большинство ученых – лингвисты и экономисты, астрономы и химики, этнологи и антропологи – описывали явления и пытались объяснить закономерности, на которых основывается общая теория. Их обстоятельность заключалась, преимущественно, в хранении данных и оперировании ими и значимость закономерностей показывала, какими теориями они интерпретируются. Я не намерен здесь анализировать ни причины, по которым (верили) в команду, ни ее негативные последствия для нашей дисциплины. Какими бы ни были причины, фактом остается то, что только заботливое описание социальных представлений, их структуры и эволюции в различных сферах, позволит нам понять их и что правильное объяснение может быть выведено только из сравнительного изучения описаний. Это подразумевает не то, что мы должны отвергать теорию в пользу бездумного сбора данных, а то, что теория должна основываться на как можно более точных наблюдениях.

Наконец, четвертое следствие относится к временному фактору. Социальные представления историчны по существу и влияют на развитие индивида с раннего детства, с того дня как мать, обладая образами и концептами, начала заботиться о ребенке. Эти образы и концепты унаследованы из ее собственного прошлого, из учебы в школе, радиопередач, диалогов с мужем, другими матерями и из личного опыта, и они определяют ее отношения с ребенком, значение, которое она придает его слезам, его поведению, и как она организует среду, в которой он будет расти. Понимание родителями своих детей формирует их личность и прокладывает путь к их социализации. Поэтому мы заключаем: “т.е. именно передача понимания ребенку, скорее, чем его поведение или отличительные способности, должны быть [[69] предметом особой заботы возрастной психологии” (Нельсон 1974).

Наши представления о своих телах, отношениях с другими людьми, справедливости, мире и т.д. развиваются с детства до зрелости. Возможно детальное изучение их развития, при котором исследовался бы способ, посредством которого общество познается в теории и на практике несколькими социальными группами и поколениями одновременно. Не было бы смысла рассматривать цивилизованного молодого человека как прототипа человеческого рода и таким образом пренебрегать генетическими явлениями. И это ведет нас к более общему представлению о связи между возрастной и социальной психологией, первая становится социальной психологией ребенка, а последняя – психологией развития взрослых. В обеих науках феномен социальных представлений играет главную роль, это как раз то общее, что свойственно этим наукам. Если бы мы добавили к этому определенные аспекты социологии повседневности – которая, ко всему прочему, так и не была изложена на должном уровне – мы могли бы воссоздать общую науку, которая бы могла вместить в себя целую вселенную подобных исследований. Я рассматриваю это как конкретное воплощение в

жизнь замечания Выгодского: “Проблема мысли и языка выходит, таким образом, за пределы естественных наук и становится центральной проблемой исторической социологии, т.е. социальной психологии” (Выгодский 1977).

Это может быть наука о совпадающих универсумах в эволюции, космогония физического существования человека. Я осознаю как трудности такого предприятия, так и тот факт, что оно может оказаться неосуществимым, не более чем я не обращаю внимание на разрыв между таким проектом и скромными достижениями на сегодняшний день. Но я не рассматриваю это как достаточную причину того, чтобы не говорить об этом, и, насколько возможно, указывать на будущее в надежде, что другие разделят мою веру в это.